

В дверь редакции громко постучали.

— Войдите!

В кабинет, широко шагая, вошел высокий мужчина с седыми волосами и большими залысинами. В движениях его была заметна небольшая нервозность.

— Простите, мне нужен редактор!

— Да, слушаю вас.

— Я хочу опубликовать свои стихи в вашем журнале.

— Хорошо. Пройдите в соседнюю комнату к секретарю, она объяснит, что вам нужно сделать.

— Мг... Что еще я должен сделать, кроме как написать стихи?

— Пройдите, пройдите, ничего сложного.

Когда главный редактор взглянул на посетителя, то увидел направленные на него злые глаза.

— ???

— Я очень занятой человек. У меня вдохновение, стихи сами просятся на бумагу. А вы... к секретарю зайдите. Волокитой занимаетесь! Нет бы, взять и напечатать. Чего проще?

— Верю, ваши стихи хороши. Но у нас такой порядок: секретарь передаст их зав. отделом поэзии, он посмотрит — без его рекомендации мы не публикуем.

— Бюрократы!

— Ну, зачем же? Просто разделение труда.

— Разделение труда... А гонорар за мой труд полагается?

— Наверное, с этого и нужно было начинать... У нашего журнала нет финансирования, поэтому выплаты авторам не предусмотрены.

— Мг... — скорбно вздохнул тот и, презрительно передернув плечами, вышел.

Через некоторое время он вернулся.

— Однако я вам не маленький мальчик!

— Что случилось?

Поэт, не отвечая на вопрос, продолжал:

— Я что вам школьник, желающий прислать стишки на детский конкурс, в условиях которого указано оформить свою детскую рукопись по придуманным взрослыми дядями «правилам»: фото справа, тексты слева, картинки в верхнем углу?!

— Вас смущают правила?

— Я известный в городе поэт, автор многих работ, напечатанных в ряде городских и республиканских журналов и альманахов. И я, должен вам сказать, не просто поэт, а мыслитель. Почитайте мои стихи, они сами за себя говорят!

— Кто вам сказал, что мы не хотим читать ваши стихи? Просто, как я уже говорил, у журнала нет финансирования, и все работники редакции трудятся на добро-

вольной и бескорыстной основе. Поэтому мы просим авторов оформлять свои материалы, чтобы освободить зав. отделами от рутинной работы...

— Я много сил отдаю своему творчеству, поэзии. И она обрела в последнее время самое широкое признание. У меня уже более пятидесяти публикаций в виде подборок стихотворений, причем ни одна не повторяется, все новые.

— Верю...

— И вот я приношу вам,— не слушая, продолжал автор,— на выбор целый ряд подборок моих новых произведений,— заметьте, еще нигде не опубликованных, могущих, без всякого сомнения, произвести впечатление на читателя, а вы предлагаете мне как школьнику оформлять свои тексты по каким-то никчемным правилам,— он поперхнулся, замахал рукой, останавливая собеседника, откашлялся и продолжил: — И, мол, только тогда вы соизволите их рассмотреть!..

— Но подождите, это же пустяки, там нет ничего сложного... Вы же принесли напечатанный материал... Вы сами набираете?

— Да, я сам набираю. Но то, что вы предлагаете мне еще и оформлять, невежливо по отношению ко мне как к известному и уважаемому автору.

— Гм-м-м...

— И это вообще несерьезно. Я нигде еще не сталкивался с этим, ни в каких изданиях и журналах. Вы еще будете просить меня, чтобы я у вас напечатался!..

— Подождите... Скажите, вы печатались в платных изданиях? — и, не получив ответа на свой вопрос, главный редактор продолжил: — А ведь мы даже не познакомились с вами... Меня зовут Олег Сергеевич, а вас?

— Николай Сергеевич,— чуть помедлив и нехотя, ответил гость.

— Скажите, Николай Сергеевич, вы ведь, как поэт, наверное, хорошо понимаете душу людей, сочувствуете им, хотите помочь через свое творчество. Почему же тогда вам так трудно произвести пустячную работу по оформлению своего материала, чтобы напечататься?

— Я не задумываюсь над тем, что вы сказали, тем более помогать... Я не врач, не психолог и не священник, а поэт и пишу о себе, своих чувствах и переживаниях...

— Вы пишете только о себе... Но ведь нынешняя реальность буквально требует прибавить в жизни хоть немного тепла и света...

— У меня талант, я его должен реализовать — это главное! Я не солнце, чтобы греть землю и всех озыбших на ней.

— Талант?.. Мы еще не читали ваши стихи, но непременно почитаем... Однако хочу заметить вам, что таланта, даже если он есть у поэта или прозаика, мало, чтобы произведение было живым, нужно еще душу вкладывать: сострадать несчастным и радоваться со счастливыми.

— Что же, по-вашему, я должен делать? Сострадать, то есть совместно страдать с умирающими, больными, сумасшедшими и преступниками?! Нет уж! Лучше я буду сыт, жить в довольстве, а мой талант поможет мне изобразить то, что я хочу, без душевного соединения с ними!

— Талант... Вы уже несколько раз произнесли это слово...

— Гм-м...

— Скажите, вот сейчас ведь гонорары — весьма большая редкость, и если даже есть, то очень небольшие они. Ради чего вы пишете?

— Как это ради чего?! Я поэт, и должен печататься... оставить свой след в литературе... мое имя должно звучать и быть известным... Вот вы упомянули о гонораре. Кстати, а у вас бывает он, и если да, то могу ли я получить за публикацию?

— А давайте так: мы вам начислим гонорар, а вы его нам весь и отдадите — ведь вы публикуетесь не ради материальной выгоды, а, как вы сказали, чтобы оставить свой след в литературе!

— Мг... мг... Как вы повернули! Но гонорар тоже не помешает...

— Рано мы с вами, Николай Сергеевич, говорим о публикации. Ваши стихи, как я уже говорил, должен вначале зав. отделом поэзии посмотреть. Не забыли? Поэтому сделайте, пожалуйста, пока то, что сказала секретарь.

— А, понятно! И не подумаю! Вот еще!..— гость, встал и, не оборачиваясь, вышел из кабинета.

— Скажите,— спросил недавно вошедший и присутствовавший при последних фразах, зав. отделом поэзии,— что это за сумасшедший?

— Сумасшедший?.. Это поэт. И он говорит, что его везде печатают.

Сотрудник улыбнулся:

— Я вам верю. А он оставил вам рукопись?

— Нет. Я ведь сказал ему, что нужно оформить по нашим правилам, а он не согласился — ну, вы же слышали.

— Наверняка он печатается в Интернете. Он не давал вам ссылки?

— Не давал, но я запомнил его имя или псевдоним.

Они сели за компьютер, и вскоре на экране увидели лицо недавнего посетителя, а ниже его стихи. «Я легко пишу стихи»,— значилось в небольшом предисловии. В комнате редакции наступило молчание, все сотрудники сгрудились у компьютера и стали читать.

— Да...— через некоторое время произнес редактор.— Все о себе и о себе.

— И много сбивок ритма. Вот здесь и здесь, и тут! — стал показывать на экране зав. отделом поэзии.

— Боже, а рифмы-то, рифмы! — воскликнул другой сотрудник.— «Моя — всегда», «молва — тетрадь»... Или вот: «малодушно — пусто». Это же нарочно не придумаешь!

— Смотрите, смотрите! — засмеялся главный.— Он пишет о сазане, как о птице! Может быть, фазан?

— А вот еще! — поддержал его поэт.— «На него смотрели два ее синих глаза...» А не правильнее было бы написать: «Он почувствовал взгляд ее синих глаз»?

— Да, и правда, легко пишет...

— Но мы не легко печатаем! — резюмировал Олег Сергеевич.— А говорил — «известный поэт!» Известный за деньги. Ведь большинство печатается в журналах и книжки издает за свои кровные, или в Интернете, платя лишь по тарифу. А так можно опубликовать все что угодно. Причем многие так привыкают к таким образом напечатанному слову, что уже и о премиях, и о гонорах помышляют. Вы же слышали?!

— Да... Времена... Я тоже думаю, что его интересует, прежде всего, количество публикаций, а заветная цель — получать гонорары. И он думает, чем больше будет публикаций, тем ближе эта цель. Это «лайковое» сознание: чем больше лайков, тем известнее,— вздохнул сотрудник.

— Точно, точно. А скоро, наверное, за лайки в сети будут давать и что-то типа биткоинов, которые можно будет обменять и на физические рубли, и на любую валюту. Да... растет и крепнет «клипово-лайковая» реальность и завладевает душами даже людей в годах. Но, думаю, в этом нет ничего странного, если у человека с молодости либерастические корни, так тяжело поддающиеся выкорчевыванию... А что вы ему скажете, когда он придет? Придет же, такие ведь занудливы до невозможности,— спросил зав. отделом.

— Скажу, что ваши стихи не подошли.

— Обидится, пасквиль напишет и тиснет за свои...

— Пусть. Уже писали, как говорится, собаки лают, а караван идет!

Все посмотрели друг на друга и дружно рассмеялись. А за окном светило яркое октябрьское солнце, переливаясь золотом на листьях берез.

